

Дон Кихот венгерской советологии

Д. Свак, А. Колонтари

Для цитирования: Свак Д., Колонтари А. Дон Кихот венгерской советологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 4. С. 000–000.
<https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.412>

Иштван Долманьош был первым в венгерской исторической науке, кто в 1971 г. написал труд, посвященный истории Советского Союза. У его карьеры была своеобразная траектория: сталинизм — одобрение десталинизации — ее отрицание снова сталинизм. В статье на основании большей частью неизвестных источников показано, как новаторская по содержанию монография в условиях брежневской ресталинизации стала предметом обсуждения в высших партийных инстанциях и вызвала отрицательную реакцию в сфере большой политики. Публикация получила с советской стороны серьезную критику за излишне подробное изображение культа личности и сталинских преступлений. Книгой занимались и высшие венгерские партийные органы. Их критика, хоть и не вылившаяся в какие бы то ни было репрессии в отношении историка, вызвала у него надлом и, по всей видимости, именно это привело его вновь к сталинизму. В статье с привлечением впервые введенных в научный оборот документов из наследия Иштвана Долманьоша и его воспоминаний показано, как он, противясь влиянию перемен 1970-х и 1980-х гг., постепенно превращался в анахроническую фигуру в венгерской исторической науке. Его исходная позиция, согласно которой мерилом всего является Советский Союз, а советские товарищи всегда были правы, отжила свой век, как устарел и характерный для него исследовательский подход, при котором оценка всех исторических явлений осуществлялась посредством дихотомии вульгарного марксизма — «прогрессивный — реакционный». Долманьош не находил места в более свободной атмосфере, наступившей в Венгрии 1970-х гг. и позже в результате перестройки и гласности. Проследив его жизненный путь, можно составить представление об одном из сегментов венгерской «марксистской» исторической науки в тот период государственного социализма, когда она пыталась освободиться от догматизма и советского влияния.

Ключевые слова: Иштван Долманьош, венгерская историография, история СССР, сталинизм, десталинизация, догматизм.

Дюла Свак — д-р ист. наук, эмерит-профессор, Будапештский университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия, 1088, Будапешт, бул. Музеум, 6–8, <https://orcid.org/0000-0002-6505-5286>, centre@russianstudies.hu

Gyula Szvák — Dr. Sci. (History), professor emeritus, ELTE Eötvös Loránd University, 6–8, bul. Múzeum, Budapest, 1088, Hungary; <https://orcid.org/0000-0002-6505-5286>, centre@russianstudies.hu

Аттила Колонтари — PhD (История) Hab., ст. науч. сотр., Ведомство Комитета национальной памяти, Венгрия, 1088, Будапешт, ул. Ваш, 10; <https://orcid.org/0009-0005-6020-3189>, attila.kolontari@neb.hu

Attila Kolontári — PhD (History) habil., senior research fellow, Office of the Committee of National Remembrance, 10, ul. Vas, Budapest, 1088, Hungary; <https://orcid.org/0009-0005-6020-3189>, attila.kolontari@neb.hu

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Don Quixote of Hungarian Sovietology

G. Szvák, A. Kolontári

For citation: Szvák G., Kolontári A. Don Quixote of Hungarian Sovietology. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 4, pp. 000–000. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.412> (In Russian)

István Dolmányos was the first Hungarian historian to write a history of the Soviet Union. His career took him on a trajectory that led from Stalinism through approval of Khrushchev's de-Stalinization and then back to Stalinism. The article shows how a reformist monograph on the history of the USSR in the context of Brezhnev's re-Stalinization provoked a reaction in the political world at an international level. It received serious criticism from the Soviet side for its excessively detailed depiction of the cult of personality and Stalin's crimes. The Hungarian party apparatus also concerned itself with the book. Although their criticism was not accompanied by direct punishment of the historian, it did result in a serious professional crisis, and very likely led to his conspicuous return to Stalinism. In this article, with the help of previously undiscovered documents from István Dolmányos's estate and his memoirs, it is shown how, resisting the influence of the changes of the 1970s and 1980s, he gradually turned into an anachronistic figure in the Hungarian academic world. His initial position, according to which the Soviet Union was the measure of everything, and the Soviet comrades were always right, had outlived its time, his vulgar Marxist approach had become obsolete. Dolmányos did not know how to deal with the freer atmosphere that came to Hungary in the 1970s and later as a result of perestroika and glasnost. His life story offers us a window onto a slice of Hungarian "Marxist" historical scholarship at a time when it was trying to free itself from dogmatism and Soviet influence.

Keywords: István Dolmányos, Hungarian historiography, history of the Soviet Union, Stalinism, destalinization, dogmatism.

Начало карьеры

Иштван Долманьош принадлежал к поколению, подростковая социализация которого была прервана Второй мировой войной. После 1945 г. тот мир, в который молодые люди, взрослея, вступали, уже исчез, уступив место чему-то радикально новому.

Наиболее подробные сведения о происхождении и детстве Долманьоша можно найти в его автобиографии, написанной в 1954 г. В этом отношении его позднейшие автобиографии гораздо более лаконичны. Он родился 27 ноября 1929 г. в городе Надьканижа. Его мать была домработницей, в одной из позднейших автобиографий он назвал ее «работницей ресторана». Сам Долманьош родился вне брака, позже его биологический отец, рабочий местного завода по производству спирта и уксуса Лайош Долманьош, официально усыновил его¹. Через некоторое время его мать получила работу в Пеште, а сам он стал учеником кишпештской школы-интерната Святого Алоиза, принадлежавшей общине школьных братьев-маристов. В написанной в 1954 г. автобиографии он уже добавил к этому обязательный топос о том, что попы плохо обращались с учащимися, заставляли их голодать, из-за чего

¹ Dolmányos István 1954-es önéletrajza // ELTE Levéltár. HUELTEL VIII.I.033.b.

он попал в больницу, после чего его забрали из интерната². В 1944 г. Долманьош окончил прогимназию. В автобиографии он написал, что во время освобождения Венгрии жил в Пеште и с осени 1944 г. работал в ресторане истопником, однако среди его писем сохранилась присланная из города Надьканижа почтовая открытка, помеченная 24 октября 1944 г. (и снабженная почтовым штампом от 28 октября), в которой он сообщает своему пештскому приятелю по скаутской организации, что временно посещает школу в Надьканиже. В 1945–1948 гг. он окончил коммерческую школу, где, опять-таки по свидетельству автобиографии 1954 г., преподаватели были настроены «реакционно», больше того, «профашистски», а «капиталистическая торгашеская атмосфера» школы отняла у юноши охоту к учебе³.

Иштван Долманьош принадлежал к так называемому направлению скаутов-менестрелей. Представители этого направления главным образом ходили по селам, собирали народные песни и обычаи, чтити народные традиции⁴. Будучи еще подростком, Иштван Долманьош невольно оказался в водовороте венгерской политики. Скаутское движение вскоре оказалось под прицелом наступавшей диктатуры, стремившейся к насильственной унификации общественной жизни. Задача облегчалась разобщенностью движения скаутов, борьбой за власть между его руководителями и различными течениями внутри организации. В 1946 г. министр внутренних дел Ласло Райк распустил Венгерский союз скаутов. В возникшем вместо него Венгерском союзе скаутской молодежи руководящую роль играли представители левого, связанного с Крестьянской партией народнического направления, к которому принадлежал и сам Долманьош.

Долманьош участвовал в международном скаутском слете, состоявшемся в Моиссоне близ Парижа в августе 1947 г. Будучи исполнителем народных танцев, он был членом культурной секции. В воспоминаниях, написанных на склоне жизни, в связи с этой поездкой он счел достойным упоминания лишь то, что переплыл Сену. Несмотря на запрет, он «на манер дикого викинга бросился в реку и дошедших по ней пароходов»⁵. В автобиографии, написанной в 1954 г., он представил эту поездку так, что полученные во время нее впечатления привели его к переоценке скаутского движения, и с тех пор он начал отдаляться от этой среды⁶.

1948 г. стал в жизни Иштвана Долманьоша, как и в жизни всей страны, годом переломным. Юноша был принят на факультет гуманитарных наук Будапештского университета им. Л.Этвёша, в то время носившего имя своего основателя, эстергомского архиепископа Петера Пазманя. Иштван поступил на специальность «История» и стал членом Народного интерната им. Шандора Петефи, объединявшего студентов-историков.

Среди преподавателей Долманьоша уже появились промосковски настроенные корифеи новой эпохи. Дьердь Лукач, который в то время уже считался известным представителем марксистской философии, вел для студентов-историков занятия по книге Гегеля «Феноменология духа», Бела Фогараши преподавал историю фи-

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Tóth A. A regőcserkészlet története // Magyar cserkészélet (1910–1948). Budapest, 2020. P. 99–121.

⁵ Dolmányos I. Válaszúton: fejlesztés vagy lázadás? 1953–1957 // Nemzeti Emlékezet Bizottságának Hivatala [Институт Комитета национальной памяти]. Dolmányos István hagyatéka (DIH) [Архив Иштвана Дольманьоша]. P. 74.

⁶ Dolmányos István 1954-es önéletrajza // HUELTEL VIII.I.033.b.

лософии и логику. Будущий президент Венгерской академии наук Иван Т. Беренд, который начал посещать университет на год позже Долманьоша, в 1949 г., много десятилетий спустя так вспоминал свои университетские годы: «Уровень занятий на факультете гуманитарных наук был постыдно низким»⁷.

Судя по зачетной книжке Иштвана Долманьоша, он легко сдавал экзамены и зачеты, как правило, на «отлично». В четырех семестрах третьего и четвертого курсов его средняя успеваемость трижды составляла 5 баллов⁸. Наряду с учебой он принимал активное участие в университетской политической и общественной жизни, занимал пост секретаря первичной организации студентов-историков, входившей в Союз трудящейся молодежи, а в 1951 г. он был принят в ряды кандидатов в члены Венгерской партии трудящихся⁹.

Следующим этапом его научной карьеры была аспирантура. Это произошло в своеобразной гибридной форме. Решение о зачислении в аспирантуру приняла Аттестационная комиссия Венгерской академии наук, а местом обучения был назначен Русский институт университета (позже преобразованный в отдельный Ленинский институт). Научным руководителем Долманьоша был ленинградский профессор истории А. В. Федоров. Асимметричность венгерско-советских отношений проявлялась и на этом уровне. Хотя темой аспирантуры у Долманьоша была история СССР, сама система не давала аспиранту возможности поехать в СССР для ведения углубленных архивных изысканий. Вследствие этого было принято решение, что Долманьош будет заниматься темой из венгерской истории, связанной с периодом коалиции начала столетия, и продолжит исследования, уже начатые для написания кандидатской диссертации. Дух времени отражался уже в самом названии этой диссертации: «Революционное движение народных масс и антинародная, предательская политика коалиционного правительства Векерле»¹⁰. К завершению работы над рукописью в 1960 г. окончательное название было смягчено на «Главы из предыстории коалиции 1901–1904 гг.».

Долманьош придавал символическое значение переезду Ленинского института на новое место, в репрезентативное здание Биржи на площади Свободы в Будапеште, где размещалось и американское посольство, и был установлен памятник советским солдатам, а на фасаде Ленинского института, к вящей досаде, как считал Долманьош, сотрудников американского посольства, появилась красная звезда и был вывешен красный флаг.

Однако было бы ошибкой думать, что Ленинский институт являлся своего рода «фабрикой янычаров», которая ковала кадры, безоговорочно обслуживавшие режим Ракоши. Там было много отличных молодых преподавателей, и многие студенты, вооружившись полученными в институте знаниями, с молодым задором критиковали режим за разрыв между теорией и практикой¹¹.

⁷ Цит. по: *Romsics I. Clio bővületében. Magyar történetírás a 19–20. században — nemzetközi kitekintéssel.* Budapest, 2011. P. 376.

⁸ HUELTEL VIII.I.008.v.2 249.

⁹ *Dolmányos István 1954-es önéletrajza // HUELTEL VIII.I.033.b.*

¹⁰ *Dolmányos I.*: 1) *Válaszúton.* P. 2–3; 2) *Kandidátusi értekezésének anyaga; Hanák Péter levele a Tudományos Minősítő Bizottság elnökéhez, 1954. Április 15. // MTA Levéltár, 876/1; Dolmányos István levele a Tudományos Minősítő Bizottsághoz, 1954. Április 14. // Ibid.*

¹¹ В дни революции 1956 г. студенты института активно участвовали в студенческом митинге, состоявшемся в Политехническом университете, некоторые из них присоединились к Нацио-

В 1954 г. именно Долманьоша попросили выступить на памятном собрании в честь первой годовщины смерти Сталина. В своих воспоминаниях Долманьош отвел много места этому эпизоду. Его текст и в данном случае многослоен, для его анализа следует понимать, что мемуарист конструирует свой прежний образ по прошествии четырех десятилетий, по всей вероятности, уже чувствуя себя обделенным, незаслуженно обиженным человеком. Допуская, что наряду с громадными достижениями могли быть допущены и некоторые ошибки, Долманьош все же считает любую более или менее резкую критику Сталина к «охаиванию», которое, по его толкованию, является пережитком гитлеровской пропаганды и низкопробной политической публицистики эпохи Хорти. В тексте воспоминаний, написанном в 1990-х гг., Долманьош подверг Имре Надя и Дьердя Лукача сильной критике, а о Сталине писал как о «гениальном грузине»¹².

После сдачи кандидатского минимума, с 1 января 1955 г., Долманьош начал работать старшим преподавателем на факультете гуманитарных наук Университета им. Лоранда Этвеша, сначала на кафедре истории СССР, а затем на кафедре истории Восточной Европы, то есть вернулся туда, где начинал свою карьеру студентом и практикантом, и где она завершится спустя десятилетия.

В ноябре 1960 г. Долманьош представил и весной 1961 г. защитил свою кандидатскую диссертацию. Председателем диссертационного совета была Эржебет Андич, оппонентами — Петер Ханак и Дюла Мереи. Оба оппонента выразили мнение, что работа Долманьоша значительно превосходит уровень кандидатских диссертаций. В то же время они посчитали недостатком огромный, 800-страничный, объем представленной работы, автор которой часто излишне подробно описывал моменты, напрямую не связанные с темой диссертации.

Однако, несмотря на недостатки работы, Петер Ханак назвал ее «наиболее обоснованным и значительным достижением в марксистском изучении политической истории эпохи дуализма» и вместе с Дюлой Т. Мереи предложил присвоить соискателю степень кандидата наук. Это предложение было единогласно поддержано диссертационным советом¹³. Получив кандидатскую степень, Иштван Долманьош стал полноправным членом отечественной элиты историков того времени.

«Слишком самокритичен от имени Советского Союза»¹⁴

Летом 1968 г. Иштвана Долманьоша получил заказ на написание однотомного труда по истории СССР, нужда в котором была крайне велика, поскольку на вен-

нальной гвардии, в здании общежития хранилось оружие. См.: *Licskó G. Az egykori Lenin Intézet és filozófia szakos diákjai az 1956-os forradalom időszakában // Múltunk. 2010. No. 2. P. 105–121.*

¹² *Dolmányos I. Válaszúton. P. 45–50.*

¹³ *Hanák Péter opponensi véleménye // MTA Levéltár 876/1.*

¹⁴ Данный раздел в значительной степени основан на статье: *Szvák G., Farkas Á. “Túlságosan önkritikus a Szovjetunió nevében” // Népszava. 2023. Augusztus 27.* Название раздела, которое является дословным переводом с венгерского и несет на себе отпечаток шероховатого партийно-бюрократического жаргона, отсылает нас к реплике секретаря ЦК ВСРП по вопросам идеологии, науки и культуры Д. Ацела в адрес Э. Шика. Партийный функционер имел в виду, что Шик, чья жизнь в межвоенный период была связана с СССР, допустил ошибку, когда более резко критиковал сталинский режим, чем это было принято в самом Советском Союзе в начале 1970-х гг., тем самым нарушив негласное правило, что в Венгрии про советскую историю можно писать только так, как это делалось в самом СССР.

герском языке был доступен лишь трехтомный труд под редакцией Анны Панкратовой, опубликованный в 1950 г. Партийное издательство «Кошут» почувствовало ветер перемен и не случайно дало заказ именно Иштвану Долманьошу, который уже долгое время преподавал в университете и написал пособие для студентов по этой теме. По отзывам его бывших студентов, он был очень хорошим преподавателем и лектором. Не удивительно, что студенты массово посещали его занятия, ведь он впервые честно и достаточно подробно рассказывал им о беззакониях сталинской эпохи¹⁵.

В 1968 г. всеобщее внимание было приковано к новому экономическому механизму и связанным с ним интеллектуальным процессам, что делает историю культуры того времени особенно интересной. Все это, как и «пражская весна», было своего рода отголоском интеллектуального подъема на Западе. Таким образом, всеобщим настроениям вполне соответствовала упомянутая книга, договор на написание которой был подписан 3 июля 1968 г. Через год после этого автор сдал рукопись книги в издательство. Тем временем войска стран ОВД во главе с СССР вторглись в Чехословакию, и за «пражской весной» лето так и не последовало.

Из объяснительной записки, позже подготовленной в издательстве «Кошут» для Комитета агитации и пропаганды ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), выясняется, что работа по подготовке книги к печати продвигалась с серьезными трудностями¹⁶. Отзыв о книге написал Эндре Арато, замечательный исследователь истории Восточной Европы (который, между прочим, не был специалистом по истории СССР), после чего начался продолжавшийся с декабря по февраль процесс редактирования, в ходе которого автора просили внести в текст множество корректив, на что он обычно не соглашался. В итоге весной был назначен новый рецензент в лице Генриха Ваши, директора Института истории партии. В конце концов в начале сентября рукопись была сдана в типографию со множеством изменений, сделанных без ведома автора¹⁷, а в целях перестраховки вторая корректура была направлена для проверки секретарю ЦК ВСРП Миклошу Овари¹⁸.

Могло показаться, что годичная задержка оправдала себя. Когда осенью 1971 г. книга наконец вышла в свет, она была встречена в венгерской прессе множеством благожелательных рецензий¹⁹, особое место среди которых занимала хвалебная статья Пала Е. Фехера в номере от 7 ноября газеты «Непсабадшаг». «Беспри-

---

¹⁵ Об этом независимо друг от друга рассказывали Дюле Сваку Ференц Глатц (позже - президент Венгерской Академии наук), Лайош Ижак (позже - руководитель Института истории университета им. Лоранда Этвеша) и Золтан Сас (позже - директор Института истории Венгерской Академии наук).

¹⁶ Jelentés Dolmányos István: A Szovjetunió története c. művéről (név nélkül). 1972. Március 28 // Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (MNL OL). M-KS 288-36. Tudományos, Közoktatási és Kulturális Osztály, 1967-1988 — 1972/24. ő. e.

¹⁷ «Мы обобщили и сократили оценку беззаконий и культа, сложившегося вокруг личности Сталина. Так, например, описание процессов 1937-1938 гг. первоначально занимало примерно 4 страницы, мы сжали его приблизительно на три четверти. Таким же образом мы убрали описание подавляющего большинства беззаконий, связанных с национальным вопросом и считающихся ошибками Сталина, и едва оставили кое-что из перечисления послевоенных беззаконий» (Ibid).

¹⁸ Jelentés Dolmányos István: A Szovjetunió története c. művéről (név nélkül). 1972. Március 28 // MNL OL M-KS 288. F. 36/1972/24. ő. e.

¹⁹ О выходе книги сообщил даже журнал «Венгерский милиционер». См.: Magyar Rendőr, 1971. Nov. 4. P. 14.

страстный тон, вдумчивый анализ, необычайное богатство информации — вот те достоинства, которые на долгое время сделают эту книгу незаменимой», — писал Е. Фехер, который очень хорошо ориентировался в советской тематике, а также в восточноевропейской повестке и уже тогда считался ведущим журналистом в лагере реформкоммунистов²⁰. Не прошло и полгода, как ему пришлось написать объяснительную записку Петеру Рени, который фактически руководил газетой «Непсабадшаг»²¹, а 11 апреля 1972 г. Комитет агитации и пропаганды ВСРП принял постановление, осуждающее книгу Долманьоша²².

Незвизрая на то, что книга была утверждена на высшем идеологическом уровне, более поздние отзывы, находящиеся в подготовительных материалах Комитета агитации и пропаганды, уже подчеркивали ее ошибки. Заместитель заведующего кафедрой Партийной школы Карой Липкович, по существу, критиковал книгу за отсутствие в ней контекстуализации допущенных властью перегибов и причин смещения Хрущева²³.

Ответственный редактор журнала «Парттёртенети кёзлеменек» Балинт Сабо писал: «После данной им (И. Долманьошем. — *Авт.*) оценки трудно понять, почему состоялось смещение Хрущева, зачем нужно было провозглашать борьбу против субъективизма в октябре 1964 г., и почему снова стало необходимо укрепление коллективного руководства. При описании отставки Хрущева автор далеко не столь “объективен”, как при осуждении культа личности Сталина»²⁴.

Эти отзывы были запрошены после того, как 14 марта 1972 г. Комитет агитации и пропаганды ВСРП «поручил Отделу науки, народного образования и культуры ЦК и Отделу агитации и пропаганды ЦК рассмотреть, наносят ли вред политическим интересам книга Иштвана Долманьоша “История СССР” и сборник документов “Поворот судьбы”, ответственным за публикацию которого был Янош Варга. Оба отдела должны представить результаты рассмотрения вопроса на заседании Комитета агитации и пропаганды ВСРП 11 апреля»²⁵.

Выполняя это поручение, упомянутые отделы Центрального комитета партии в своем заключении от 6 апреля 1972 г. сделали вывод: «Книга действительно дает основания для политических замечаний:

- при описании революции 1905 г. оставляет желать лучшего прежде всего оценка меньшевиков, не видно различий между большевиками и меньшевиками, источника их разногласий;
- наиболее серьезные замечания вызывает помещенное в нескольких местах подробное описание культа личности, деятельности Сталина и нарушений законности;

²⁰ Fehér E. P. Magyar könyv a Szovjetunió történetéről. Jegyzetek Dolmányos István munkájáról // Népszabadság. 1971. November 7. P. 13.

²¹ Feljegyzés Rényi Péter elvtárs részére. 1972. Március 18 // MNL OL M-KS 288. F. 36/1972/24. ő. e.

²² Jegyzőkönyv az Agit. Prop. Bizottság 1972. Április 11-i üléséről // MNL OL M-KS 288-41 Agitációs és Propaganda Bizottság (Társadalompolitikai Bizottság), 1962–1989/179. ő. e.

²³ Lipkovits K. Megjegyzések Dolmányos István: “A Szovjetunió története” c. könyvéhez. 1972. Március 26 // MNL OL M-KS 288. F. 36/1972/24. ő. e.

²⁴ Szabó Bálint feljegyzése Dolmányos István könyvéről. 1972. Március 17. // Ibid.

²⁵ Jegyzőkönyv az Agit. Prop. Bizottság 1972. Március 14-i üléséről // MNL OL M-KS 288. F. 41/177. ő. e.

- югославский вопрос односторонне представлен автором таким образом, будто после 1948 г. югославские коммунисты попытались максимально приспособиться к особенностям своей страны, но руководство КПСС [точнее ВКП(б)] тогда не оценило этого по достоинству;
- на основании содержащейся в книге оценки трудно понять, почему в октябре 1964 г. был снят Хрущев, и зачем нужно было провозглашать борьбу против субъективизма, почему снова стало актуальным укрепление коллективного руководства»²⁶.

Эти выводы были повторены на состоявшемся 11 апреля заседании Комитет агитации и пропаганды²⁷.

Если взглянуть на параллельное разбирательство по сборнику «Поворот судьбы»,²⁸ редакторы которого получили партийный выговор, и который был запрещен задним числом, то можно считать, что Иштван Долманьош отделался легким испугом, поскольку формулировка по его изданию звучала следующим образом: «Комитет пришел к выводу, что автор в своей книге попытался представить марксистскую трактовку истории СССР, однако по некоторым вопросам занял спорную и нуждающуюся в обсуждении позицию»²⁹. Автор книги не был наказан, книгу не запретили, что, надо признаться, было бы достаточно странно, принимая во внимание, что ее публикацию разрешил Миклош Овари. Не говоря уже о том, что как специалисты, так и читающая публика встретили ее вполне благосклонно.

И все же: почему книга оказалась в таком вакууме? На эту тайну проливает свет анонимная «Записка», датированная 26 января 1972 г., из той же подборки материалов ВСРП, на который ссылалось постановление комитета. Прочитав ее полностью: «На совещании журналистов товарищ Кадар подчеркнул, что было бы неправильно оценивать 1919 г. (тогда была установлена Венгерская советская республика, просуществовавшая 133 дня. — *Авт.*) по принципу „с одной стороны — с другой стороны”, было бы неправильно изображать событие большого исторического значения посредством перечисления допущенных ошибок. Приветствуя это мнение, они (представители Советского Союза. — *Авт.*) хотели бы, чтобы для тех, кто пишет об СССР, это служило основой и при оценке истории СССР. Долманьош собрал под микроскопом все ошибки, которые по отдельности действительно были совершены, однако при таком изображении складываются в тенденциозный подход к историческим событиям. По нашим сведениям, автор не консультировался с советскими историками. Если в СССР публикуются материалы, касающиеся других стран, то там во всех случаях обращаются к компетентным лицам из этих стран и согласовывают с ними все вопросы. В некоторых местах книги содержится критика деятельности действующего Центрального комитета. В связи с этим отметил, что члены ЦК КПСС во всех случаях высказывают свою позицию на основании партийных постановлений, принятых в заинтересованной стране. В рецензии,

²⁶ Jelentés a „Sorsfordulók” és „A Szovjetunió története” című könyvekről. 1972. április 6 // MNL OL M-KS 288. F.36/1972/24. ő. e.

²⁷ Jegyzőkönyv az Agit. Prop. Bizottság 1972. Április 11-i üléséről // MNL OL M-KS 288. F.41/179. ő. e.

²⁸ О параллельности двух разбирательств писала Ева Стандейски. См.: *Standeisky É. Berzenkedők és tabusértők. A magyar-szovjet kulturális viszony a hatvanas években // Élet és Irodalom. 2003. December 19. P.8–9.*

²⁹ Ibid.

опубликованной в газете “Непсабадшар”, рецензент расхваливает книгу и метод, используемый ее автором, который изучает прошлое не глазами современного человека, а в свете происшедших тогда событий, смотря на него через призму того времени. Это утверждение вряд ли можно обосновать. В рецензии ссылаются на советского историка, только забывают о том, что Веселовский подвергся резкой критике за свою неправильную, одностороннюю историческую концепцию и что он живет не в СССР, а где-то на Западе, где крикливо выступает против СССР»³⁰.

Прочитанная «Записка» была послана в аппарат ЦК ВСРП из венгерского посольства в Москве, по сути, в ней Кадар предал слова руководителя сектора Международного отдела ЦК КПСС Леонида Мосина³¹. В феврале, когда Я. Кадар был приглашен на охоту в Завидово, Л. И. Брежнев в «товарищеской форме» выразил «свои опасения» по поводу венгерских реформ, что практически означало их запрет. Принимая во внимание этот факт, венгерская сторона никак не могла игнорировать мнение советской стороны, даже несмотря на все высказываемые ею нелепости³². Например, «крикливо выступавший на Западе» академик Степан Веселовский к тому времени уже давно умер, а его эпохальный труд был опубликован в 1963 г. уже посмертным изданием. В научных кругах уже тогда считалось абсурдным желание предварительно консультироваться с советской стороной по всем вопросам, касающимся истории СССР. В то же время, несомненно, стало нормой, что то, о чем не пишут сами о себе в СССР, следует затрагивать и другим.

Времена изменились. В 1972 г. не считалась уже политкорректной и слишком хвалебная оценка XXII съезда КПСС: «Вся деятельность XXII съезда была проникнута атмосферой революционного обновления. Дух творчества одержал победу над пережитками консерватизма. В политике потерпел поражение культ личности, в экономической жизни — субъективизм, в технике — бесперспективная рутинная работа, в области теории — догматизм и, наконец, в сфере пропаганды — начетничество»³³. Это было связано с тем, что Брежнев вовсе не считал себя продолжателем Хрущева. Можно сказать, что Иштван Долманьош несколько отстал от жизни, когда писал: «Проблему составило главным образом то, что в сообщениях о снятии Хрущева не было указаний на его заслуги»³⁴. Его спасло то, что лица, руководившие венгерской политикой, видимо, тоже не сразу поняли эти тонкости кремлевской политики.

Как любезно сообщил Дёрдь Далош, в кругах, близких к издательству «Кошут» ходила городская легенда, согласно которой Дёрдь Ацел, секретарь ЦК ВСРП, ответственный за управление культурной и научной сферами, однажды не без иронии заметил по поводу автора запрещенных мемуаров «Буря кружит листья...» Эндре Шика, в Первую мировую оказавшегося на территории России и покинувшего ее только в 1945 г.: «Он слишком самокритичен от имени Советского Союза». И хотя это было сказано не в адрес И. Долманьоша к нему это относится напрямую.

³⁰ Feljegyzés Dolmányos István „A Szovjetunió története” című könyvéről. Moszin elvtárs a következő kritikát mondta. 1972. Január 26. // MNL OL M-KS 288. F. 41/179. ő. e.

³¹ MSZMP Központi Bizottsága Tudományos Közoktatási és Kulturális Osztály. Agitációs és Propaganda Osztály. 1972. Április 6 // MNL OL M-KS 288. F. 36/1972/24. ő. e.

³² Huszár T. Kádár János politikai életrajza. Budapest, 2003. P. 238–243.

³³ Dolmányos I. A Szovjetunió története. Budapest, 1971. P. 466–467.

³⁴ Ibid.

Абсурдность этой истории заключается в том, что в то время как компетентные партийные органы в течение нескольких месяцев вынашивали «экспертное мнение», а редакторы издательства «Кошут» в течение года до этого занимались идеологической и политической «прополкой» книги, в 1976 г. в будапештском издательстве «Учебная книга» был без всяких проблем и корректив переиздан написанный Иштваном Долманьошем университетский учебник «История СССР. 1917–1966 гг.», впервые вышедший в свет в 1970 г. Помимо прочего, в нем можно было прочитать следующее: «19–25 августа 1936 г. состоялся следующий, проистекший из готовой концепции и основанный на подтасованных обвинениях и “доказательствах” политический процесс, иначе говоря, первый крупный открытый процесс троцкистско-зиновьевского центра (“процесс шестнадцати”)³⁵. В книге, выпущенной издательством «Кошут», от всего этого остался следующий отрывок, все равно вызвавший недовольство советских чиновников: «в 1936–1937–1938 гг. бывшие члены троцкистско-зиновьевско-бухаринской оппозиции предстали перед судом, и большинство из них были казнены»³⁶.

Суета вокруг «Истории СССР» не оказала негативного влияния на карьеру Иштвана Долманьоша. Ему не запретили публиковаться, и в том же 1972 г. в будапештском издательстве «Мысль» вышла его книга «История Финляндии», получившая одобрительные рецензии³⁷. Другое дело, что после смены общественного строя один из специалистов по истории финно-угорских народов написал, что эта книга «осталась в путях идеологических ограничений»³⁸. И действительно, посвященный XX в. раздел книги пришелся бы по нраву «советским товарищам», особенно описание советско-финляндской войны³⁹.

Полученная несколькими годами ранее «проработка» не охладила и отношения издательства «Кошут» к Иштвану Долманьошу, именно последнему было поручено написать большую книгу к шестидесятой годовщине Октябрьской революции. Правда, она была опубликована только в 1979 г. По-видимому, задержка опять-таки оправдала себя, потому что «Сияющий Октябрь», как называлась книга, несомненно стал монументальным сочинением в 688 страниц, но скорее в том смысле, в каком его удачно охарактеризовал Тамаш Краус, назвав издание «необарочным» обобщающим трудом⁴⁰. От стиля книги при всей его приподнятости веет какой-то затхлостью, как это видно, например, в начале Послесловия: «Когда уже пронеслись русские революции, в январе 1919 г. Свердлов оглянулся в прошлое. Закончились месяцы ослепительного круговорота, когда враги нередко под лозунгами демократии и социализма выступали против настоящей демократии и под-

³⁵ Ibid. P. 219–220.

³⁶ Ibid. P. 347.

³⁷ См. рецензию Э. Нидерхаузера на книгу Долманьоша: *Dolmányos István Finnország története* (Ism: Niederhauser Emil) // *Századok*. 107. évf. (1973). No. 4. P. 1001–1004.

³⁸ *Bereczki A. A finn és az észet történelem kutatása Magyarországon // 125 éves a budapesti finnugor tanszék. Jubileumi kötet. Budapest, 1998. P. 127.*

³⁹ Так, например, Долманьош писал: «Длившаяся несколько месяцев так называемая Зимняя война (Talvisota) была с финской стороны лишь преддверием более крупного антисоветского наступления, планировавшегося совместно с фашистской коалицией» (*Dolmányos I. Finnország története*. P. 392).

⁴⁰ *Krausz T. Lenin. Társadalomelméleti rekonstrukció. Budapest, 2008. P. 80.*

линного социализма. «В революции нет ничего важнее того, чтобы навести полную ясность»⁴¹.

Язык, на котором говорил автор, уже не был языком венгерских историков конца 1970-х гг., причем не только по форме, но и по содержанию. Любой другой представитель академической исторической науки поостерегся бы, например, от такой актуализации: «На основании подготовительной работы, проделанной со времени революции, в последние полтора десятилетия в результате развития СССР буквально ежегодно падал какой-либо американский рекорд в области экономики..., близится время, когда мы узнаем о двукратном превышении результатов Соединенных Штатов»⁴². Зато с советской стороны, конечно, уже не было недовольства книгой.

В промежутке между выходом двух вышеупомянутых книг состоялись защита Иштваном Долманьошем докторской диссертации (о чем еще будет сказано ниже), а затем присвоение ему звания профессора.

В 1960-х гг. Иштван Долманьош, несомненно, считался заслуженным, популярным специалистом. По совместительству он работал старшим референтом в министерстве, сотрудником газеты «Непсабадшаг» и преподавателем в Политехническом университете, а в 1967–1969 гг. занимал еще и должность секретаря Исторического общества. Он публиковал множество статей по истории, его часто приглашали на научно-популярные лекции, научные обсуждения, защиты диссертаций, он даже был «ведущим» телевизионной передачи «Кто в чем знаток?», которую смотрело огромное количество зрителей⁴³. В 1970-х гг. все это, казалось, продолжалось, больше того, как было сказано выше, Долманьош покорил еще более крупные научные вершины.

Такой вершиной, несомненно, была его докторская диссертация, хотя уже ее представление к защите и сама защита не обошлись без проблем и в некотором смысле считались курьезными случаями в истории подобных процедур. Тема диссертации «Основные вопросы политической истории начала века в свете деятельности коалиционного правительства (1906–1910)», по существу, была продолжением темы кандидатского исследования. Диссертация была представлена в 1973 г., а публичный диспут состоялся 12 мая 1975 г.

Первая проблема возникла в связи с объемом работы. Долманьош представил в Аттестационную комиссию Венгерской академии наук ужасно длинное исследование, состоявшее из девяти томов и трех тысяч страниц, которую комиссия соглашалась принять для дальнейшего рассмотрения только при условии, что автор сократит ее примерно до восьмисот страниц или выделит из нее какую-либо важную часть приблизительно такого объема. В конце концов диссертант пошел на компромисс и представил для отзыва и диспута пятый и девятый тома своей работы⁴⁴ (после этого случая Комиссия по исторической науке Венгерской Академии наук установила лимит на объем кандидатских и докторских диссертаций⁴⁵).

⁴¹ Dolmányos I. Ragyogó Október. A Nagy Oroszországi Szocialista Forradalom története. Budapest, 1979. P. 635.

⁴² Ibid. P. 630–631.

⁴³ См.: Magyar Nemzet. 1972. Február 11. P. 4.

⁴⁴ Kulcsár Kálmán (TMB titkár) és Dolmányos István levélváltása, 1974. Június 27., július 1. // DIH.

⁴⁵ Állásfoglalás doktori értekezés további eljárásra való bocsátásáról. 1974. Június // MTA Levéltár 1191/2.

Наряду с объемом диссертации был и другой критический момент, вытекавший из внутреннего облика Долманьоша, из его манеры вести дискуссию. Отзывы оппонентов были в целом положительны. Оппоненты хвалили тщательность проделанной исследовательской работы, признали диссертацию значительным достижением отечественной марксистской исторической науки, а диссертанта — достойным присуждения ему научной степени доктора исторических наук. Сам дискурс проходил в рамках марксистского канона того времени: как диссертант, так и его оппоненты оценивали политиков, партии и социальные группы начала века в зависимости от того, насколько они имели «революционный», «прогрессивный» и «демократический» или, наоборот, «реакционный», «буржуазный», «националистический», а то и «феодальный» характер.

Однако вместо того, чтобы принять некоторые элементы конструктивной критики, Долманьош воспринимал все критические замечания как направленные против него лично нападки, которые стремился отразить в своем ответе. Многие из членов диссертационного совета обратили внимание Долманьоша на то, что при оценке политиков и партий недостаточно подходить к ним «с высокими мерками, выработанными в международных масштабах» рабочим движением, но необходимо принимать во внимание и отношения, а также возможности, существовавшие в то время; что же касается дискуссий по профессиональным вопросам, то в них фактам должно принадлежать первенство по сравнению с идеологическими и политическими конструкциями⁴⁶. В протоколе было зафиксировано критическое мнение председательствовавшего на защите И. Т. Беренда о манере Долманьоша дискутировать: «...он спорил с чрезмерной горячностью, слишком эмоционально, приписывал оппонентам взгляды и мнения, которых не было в тексте или которые основывались на неточных интерпретациях»⁴⁷. Сам тон ответов Долманьоша был таким же высокомерным и наставительным, как и в его прежних выступлениях.

В результате сложилась странная ситуация, когда двое оппонентов из трех не приняли ответа Долманьоша, но по-прежнему предлагали присвоить ему ученую степень. В этом отношении тайное голосование принесло результат: шесть голосов «за» и один «против»⁴⁸. И. Т. Беренд в отдельном письме информировал Аттестационную комиссию о том, что оппоненты «пришли к мнению, что ответ соискателя был несовместим с нормами научной дискуссии и прозвучал диссонансом в рамках в целом плодотворных профессиональных прений»⁴⁹. Все это само по себе не угрожало продвижению Долманьоша по карьерной лестнице, но в то же время свидетельствовало о том, что отношение к нему в среде отечественных историков сложилось крайне противоречивое в первую очередь из-за его манеры поведения и стиля общения.

В 1972 г. в нем произошел какой-то надлом, о чем свидетельствуют личные воспоминания одного из авторов настоящей статьи (С. Дюлы). О многом говорит, например, сравнение двух характеристик, написанных профессором Йожефом

---

⁴⁶ A tudományos vita jegyzőkönyve, Szabad György és Galántai József hozzászólása // Ibid. P. 16–17, 23–24.

⁴⁷ A tudományos vita jegyzőkönyve, Berend T. Iván elnöki hozzászólása // Ibid. P. 26–27.

⁴⁸ A Történettudományi Szakbizottság állásfoglalása Dolmányos István doktori fokozata ügyében // Ibid.

⁴⁹ Berend T. Iván levele Kulcsár Kálmánhoz, 1975. május 16. // Ibid.

Перени, который был тогда заведующим кафедрой истории Восточной-Европы Будапештского университета им. Л. Этвёша. Если в 1960 г. он однозначно поддержал своего коллегу, то в 1977 г. в предложении о назначении Долманьоша профессором работники университета уже могли почувствовать явные оговорки, выраженные в рамках официального жаргона и профессионального протокола⁵⁰. Перени, впрочем, относился к нему очень сочувственно, ведь после того, как И. Долманьош развелся с женой, он годами закрывал глаза на то, что тот часто ночевал в своем университетском кабинете и за неимением лучшего держал там свои книги. А в 1980 г. дело уже дошло до того, что перед уходом на пенсию завкафедрой открыто поднял вопрос о профпригодности своего коллеги⁵¹.

Неизвестно, поступали ли к нему студенческие жалобы на И. Долманьоша⁵², об этом нет никаких документов (если не считать посылаемых начальству постоянных жалоб самого преподавателя на то, что студенты не посещают его занятий). Зато красноречива перемена во взглядах И. Долманьоша, которую, быть может, нагляднее всего демонстрирует небольшая рецензия, написанная им в 1980 г.

Вот что он пишет, например, по поводу Ивана IV в опубликованном в еженедельнике «Критика» разборе вышедшего тогда в Венгрии перевода книги советских авторов «Краткая история СССР»:

«Написанное об Иване IV может служить актуальным уроком. Говоря в книге о большой прозорливости и разумности правления Ивана Грозного (с. 118), теснее прежнего связывая оборонительно-наступательную политику Ивана, знаменитую опричнину с правомерной и результативной защитой страны от внешних врагов, авторы усиливают тот по существу положительный образ Ивана, который нарисовали до них многие представители советской исторической науки, на высоком уровне присоединившись к оправданию Ивана Петром I, Ломоносовым и Герценом. Эта, по существу, положительная оценка, как ни странно, до сих пор еще имеет у нас объяснительную функцию. Ведь, несмотря на то что в преподавательской деятельности мы всегда исходили из этой позиции, в публицистике, мемуарной литературе и даже в специальных исторических журналах последних лет присутствуют односторонние, отрицательные оценки. Мы с сожалением видим, что такие рассуждения по-прежнему родственны пропаганде хортистской Венгрии времен Второй мировой войны, когда пропагандисты в разгар варварской войны против СССР пытались осудить Ивана Грозного, ссылаясь на так называемую человечность. Необходимо отметить и то, что все это по времени и по духу сочетается с современными лжегуманистическими, антисоциалистическими акциями буржуазной исторической науки, разжиганием односторонней дискуссии о Дракуле и другими похожими, новыми кампаниями антирусской направленности»⁵³.

⁵⁰ Másolat a Kelet európai Történelmi Tanszék káderfejlesztési tervéből. 1960. December 5. // HUELTEL VIII.I.033.b; „Előadói javaslat” 1977. Március 16. // Ibid.

⁵¹ Szvák G. A két tanszékvezető. P. 400 // Ibid.

⁵² Один из авторов настоящей статьи С. Дюла посещал семинар И. Долманьоша в 1975/76 учебном году. На одном из занятий студентка, рыдая, выбежала из аудитории, потому что неосмотрительно заявила, что в Америке уровень производства легковых машин выше советского, и Долманьош устроил ей за это немилосердный разнос.

⁵³ *Dolmányos I. Új összefoglalás a Szovjetunió történetéről* // *Kritika*. 1980. No. 11. P. 33. — Долманьош намекает здесь на опубликованные в то время работы Дюлы Свака об Иване IV.

А вот как в анализируемой Долманьошем книге выглядит отрывок, о котором пишет венгерский историк: «Тайный сыск, пытки, массовые казни, уничтожение усадеб и разграбление имущества опальных бояр, а иногда и карательные экспедиции против целых городов и уездов страны следовали одни за другими. Страшным и непонятным казался современникам в эти годы царь. То он собственноручно пытался и казнил опальных бояр, предавая их чудовищным мукам, то устраивает пиры и буйные оргии, сопровождающиеся насилиями и надругательствами над женщинами, то неожиданно облачается в монашеское одеяние и на коленях выпрашивает отпущение грехов. Можно только удивляться, как столь “двуликое” поведение соединялось у Ивана Грозного с большой прозорливостью и “разумением” в управлении государством»⁵⁴.

Следовательно, в связи с Иваном IV Иштван Долманьош искажил, «отцензурировал» в новой советской книге именно то, что когда-то было вырезано из его собственной книги издательством «Кошут» в связи со сталинским террором.

Таким образом, проблема заключается в том, что после злоключений его книги «История СССР» И. Долманьош вернулся к сталинистской риторике, к сталинистскому взгляду на историю, превзойдя в этом даже советскую историческую науку того времени. На этом пути у него уже не было единомышленников в венгерской университетской и общественной жизни 1970-х гг.

Бесславная развязка

Перемены 1980-х гг. во многом изменили и жизнь Иштвана Долманьоша.

По всей вероятности, отнюдь не случайно, именно в 1983 г., последовавшем за годом смерти Брежнева, в частично сохранившейся переписке Долманьоша упоминаются упоминания о его проблемах. В вузе, где он преподавал, значительно снизилась посещаемость его занятий. Сам он подозревал, что за этим скрываются политические мотивы, незримая рука врагов. «Такая ситуация имела место только в период временных трудностей, возникших в 1956 г.», — писал он⁵⁵. Для решения этой проблемы Долманьош предложил принять административные меры. По его ожиданиям эти меры должны были принудить студентов, прикрепленных к нему для сдачи экзаменов, в их собственных интересах записаться на его занятия. Эта идея не понравилась ни преподавателям, ни руководителям университета, которые вполне обоснованно дали понять, что посещаемость занятий является внутренним делом каждой кафедры, а в случае факультативных занятий и вовсе нельзя обязать студентов выбирать те или иные из них. Долманьош же, напротив, считал, что международный престиж венгерского высшего образования пострадает, если студенты не будут записываться на его необязательный курс по истории СССР⁵⁶.

⁵⁴ A Szovjetunió története. A legrégebbi időktől a Nagy Októberi Szocialista Forradalomig. Első rész / szerk. N. J. Noszov. Budapest; Moszkva, 1980. P. 118.

⁵⁵ Dolmányos István levele Pölöskei Ferenc dékánhoz (1983. Október 7.) // DIH.

⁵⁶ Dolmányos István levelei Diószegi Istvánhoz (1983. Február 28.) // DIH; Pölöskei Ferenc dékánhoz (1983. Május 5., október 7.) // Ibid; Eörsi Gyula rektorhoz (1983. Október 7.) // Ibid; Köpeczi Béla miniszterhez (1983. Október 7.) // Ibid; Szabó Kálmán rektorhelyettes levele Dolmányos Istvánhoz (1983. Október 31.) // Ibid.

Столь же поучителен состоявшийся в октябре 1983 г. обмен письмами между Долманьошем и заместителем главного редактора газеты «Непсабадшаг» Петером Рени⁵⁷.

Одним из вопросов, затронутых в письмах, была статья Долманьоша, написанная для теоретического раздела газеты к годовщине Октябрьской революции. Долманьош считал, что он должен вступить в борьбу с идеологическими послаблениями, наблюдавшимися в трактовке истории СССР, и решил, что для этого лучше всего подойдет официальный орган партии. В качестве примеров идеологических послаблений он сослался на две статьи, не назвав имен их авторов. Первой из них была рецензия кремлинолога Миклоша Куна (внука Белы Куна) на книгу Миклоша Залки «Красные и белые», напечатанная еще в 1982 г. в ноябрьском номере журнала «Критика»⁵⁸. Другая статья, вызвавшая возражения Долманьоша, была написана известным советологом Тамашем Краусом для газеты «Мадьяр немзет» по случаю столетней годовщины со дня рождения Адольфа Иоффе⁵⁹. Перечисление в статье имен Зиновьева, Каменева, Орджоникидзе, Преображенского, Бухарина и Пятницкого вместе с упоминанием о дружбе Иоффе с Троцким означало для Долманьоша высшее проявление ереси: «Угрожающе распространяется подход, при котором вожди Октября односторонне чувствуют почти только с позиции антиленинской внутрипартийной оппозиции. <...> Я возвысил голос против такого подхода, и мне было бы больно, если бы “Непсабадшаг” ни в какой форме не смог бы мне в этом помочь», — писал он Рени⁶⁰. Рени, которого ни в коем случае нельзя было обвинить в либерализме, отклонил предложенную Долманьошем статью со следующими словами: «В оценке личности Сталина... мы строго следуем практике КПСС, которая никогда не говорит о заслугах Сталина, не упоминая в то же время и о его ошибках»⁶¹.

К концу 1980-х гг. здоровье Долманьоша резко ухудшилось, что, несомненно, повлияло на его работоспособность, физическое и ментальное состояние. Из его переписки с матерью можно установить, что с начала 1980-х гг. у него появились симптомы диабета⁶². Несмотря на то, что мать заботливо давала ему все новые и новые советы, он, по-видимому, запустил свою болезнь, что со временем привело к тяжелым последствиям.

В начале 1990-х гг. смена общественного строя, необходимость и возможность перемен, затронувших и сферу высшего образования, в совокупности с болезнью Долманьоша привели к тому, что ему пришлось уйти на пенсию. Из документов видно, что в этом случае руководители факультета и кафедры действовали, исходя из разных мотивов. Первые прежде всего надеялись, что эта мера приведет к сокращению расходов, и, отправляя Долманьоша на пенсию, намеревались упразднить

⁵⁷ Rényi Péter levele Dolmányos Istvánhoz, 1983. Október 10. // Ibid.

⁵⁸ Kun M. Zalka Miklós: Vörösök és fehérek // Kritika. 1982. No. 9. P. 31–33.

⁵⁹ Krausz T. A nagy nemzedék diplomatája. Száz éve született A. A. Joffe // Magyar Nemzet. 1983. Október 23. P. 6.

⁶⁰ Dolmányos István levéltervezete Rényi Péterhez, 1983. Október 25. // ДИИ. — Доведя до логического конца своеобразный ход мыслей Долманьоша, можно прийти к выводу, что все большевики, ставшие жертвами сталинских чисток, были антиленинистами, а в большевистском руководстве 1917 г., кроме Ленина, был лишь один настоящий ленинист — Сталин.

⁶¹ Rényi Péter levele Dolmányos Istvánhoz, 1983. Október 10. // ДИИ.

⁶² Szabó Anna levelei Dolmányos Istvánhoz, 1982. Február 14., április 25. // Ibid.

занимаемую им штатную единицу. Последние же хотели избавиться от проблемного, часто неуживчивого преподавателя, который из-за своей болезни все в меньшей степени был способен выполнять свою работу, но при этом стремились сохранить за кафедрой его ставку⁶³.

В 1990-х гг. для Долманьоша, по существу, осталась единственная общественная среда, в которой он мог проявлять научную и политическую активность, — это марксистско-ленинская Венгерская социалистическая рабочая партия (с 1993 г. — Рабочая партия), объединившая меньшинство, не пожелавшее присоединиться к новообразованной социал-демократической Венгерской социалистической партии. Также печатной орган ВСРП, газета «Сабадшаг», стал единственным форумом, где он мог печататься. Зато здесь печатали практически все, что он присылал.

«Жертвой» его активности стала, например, медиевист Марта Фонт, чью кандидатскую диссертацию о русско-венгерских политических отношениях XII–XIII вв. Долманьош подверг критике из-за того, что автор, как он считал, недостаточно осудила проявления антирусской агрессии венгерских королей, как это сделали объективные представители международной исторической науки, «русские и советские историки». «Оправданием антирусских походов диссертация невыгодно отличается и от венгерского общественного мышления прошлого времени»⁶⁴. В данном случае, как и во многих других случаях, аргументация Долманьоша ошибочна в своей основе, так как он пользуется неприменимыми к средневековью понятиями, пытаясь описать династические войны с помощью марксистских категорий классовой борьбы, прогресса и регресса, а также исторической справедливости⁶⁵.

В 1992 г. Долманьошу поступило неожиданное предложение из неожиданно места. Андраш Бенчик, главный редактор правой газеты «Пешти хирлап», попросил его высказать свои взгляды в рамках развернувшейся на страницах газеты дискуссии о том, что общество в Венгрии становится все более буржуазным⁶⁶. Заключительная часть рукописи Долманьоша особенно явно показывает, что мысли автора относятся к миру сумбурно изложенных фантазмагорий: «Обуржуазивание в любую эпоху имело определенную ориентацию. К нашему столетию центром новейшего направления прогресса окончательно стала Россия. Именно там произошел крупнейший социальный ядерный взрыв. <...> В наше время все пути по-прежнему ведут в Москву. Не случайно, что все человечество, затаив дыхание, следит за тем, что происходит в России. Самая прогрессивная и самая крупная домна всемирной истории работает на российской земле. Я убежден, что после солнечного затмения огненная планета покроет нас еще более ярким светом. <...> Успех современного обуржуазивания общества зависит от того, с какими ориентирами в мировой политике мы ищем пути его осуществления. Без ориентации на Россию результат невозможен. Именно россияне являются наилучшими хранителями тайны эпохи — революционного социализма»⁶⁷. Перед нами — мысли потерявшего

⁶³ Palotás Emil levele Hunyady György dékán részére, 1991. Február 5. // HUELTEL VIII.I.008.b. 120/91.

⁶⁴ Szabadság. 1991. Június 21. P.3.

⁶⁵ Заметим, что диссертация, оппонентами на защите которой были авторитетнейшие представители венгерской медиевистики того времени, Антал Барта, Дюла Кришто и Ференц Макк, получила от всех экспертов положительную оценку.

⁶⁶ Bencsik András felkérőlevele. 1992. Május 18. // DIH.

⁶⁷ *Dolmányos I. Polgárosodás tőkével is, vagy a visszatőkésítés tévútja. Kézirat. 1992 // Ibid.*

почву под ногами человека, который все быстрее терял связь с действительностью. Его статья, конечно, не была помещена в «Пешти хирлап».

Иштван Долманьош скончался 22 августа 1993 г. В некрологе говорилось, что «с его смертью историческая наука потеряла незаменимого ведущего преподавателя и ученого». И хотя в тексте присутствовали слова: «Мы сохраним и сбережем его наследие, никогда не забудем его подлинную человечность»⁶⁸, со стороны современников и коллег Долманьоша это было скорее проявление сострадания и сочувствия, нежели выражение серьезного намерения.

Иштван Долманьош был представителем поколения, вступившего в жизнь под дуновение «светлых ветров» и призванное сменить две генерации историков, господствовавшие до 1945 г., в том числе таких крупных историков, как Дюла Секфю, Балинт Хоман, Шандор Домановский, Иштван Хайнал, Элемир Маюс, Петер Ваци, Ласло Маккаи, Кальман Бенда. Родившееся в 1920-х гг. новое поколение исследователей, социализировавшихся после войны и быстро завоевывавших позиции в науке, в том числе Петер Ханак, Дёрдь Шпира, Ене Сюч, Эмиль Нидерхаузер, Тибор Виттман, Эндре Арато, Шандор Балог, Дёрдь Сабад, воспитывались уже на марксистской идеологии, которая и в Венгрии в 1950-х гг. означала на самом деле сталинистское понимание истории, приведя к утверждению грубого догматизма в исторической науке. Будучи талантливыми, профессиональными историками, эти ученые после 1956 г. освободились от догматизма, и большинство из них представляло более «гуманный» и научный вариант марксизма, а некоторые после смены общественного строя полностью отошли от этого учения.

Произошедшая в 1945–1948 гг. смена общественного строя обезглавила прежние поколения⁶⁹. Один из авторов знаменательной в эпоху Хорти «Истории Венгрии», Дюла Секфю, правда, стал послом в Москве, зато другой автор, Балинт Хоман, умер в тюрьме, многих других историков лишили профессорских должностей. Представители поколения 1920-х гг. усердно трудились, но лишь постепенно, в 1960–1970-х гг. стали ведущими историками, и лишь немногие из них дожили до новой смены общественного строя в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Двое сумели сделать затем успешную карьеру: некогда рьяный сталинист Петер Ханак, занявший должность заведующего кафедрой в Центрально-Европейском университете, стал одной из заметных личностей в кругу либеральной интеллигенции, а Дёрдь Сабад, представлявший в венгерской политике националистскую линию, был избран первым председателем парламента демократической Венгрии. Путь всех этих ученых пролегал от догматического марксизма к статусу профессиональных историков с марксистским понятийным инструментарием и даже, как в последних двух упомянутых случаях, еще дальше.

В этом смысле карьера Иштвана Долманьоша была крайне необычной. Можно было бы сказать, что он один остался сталинистом. Однако такое утверждение

⁶⁸ Dolmányos István gyászjelentése. URL: https://dspace.oszk.hu/bitstream/handle/20.500.12346/404576/4325706_00886_mormon.jpg?sequence=4&isAllowed=y (дата обращения: 31.10.2023).

⁶⁹ О насильственной унификации исторической науки писал Игнац Ромшич, который при этом посчитал необходимым указать на еврейское происхождение некоторых историков. Более взвешенно подошел к этой проблеме Петер Гунст. См.: *Romsics I. Clio bővületében. Magyar történetírás a 19–20. században — nemzetközi kitekintéssel.* Budapest, 2011. P. 359; *Gunst P. A magyar történetírás története.* Debrecen, 1995. P. 187–194.

было бы не совсем справедливым и точным. Его путь от сталинизма к сталинизму пролегал через принятие хрущевской десталинизации и отказ от нее. В воспоминаниях, написанных в начале 1990-х гг., он со всей ясностью демонстрирует свою верность взглядам, которых он придерживался в 1950-х гг. Даже спустя четыре года после торжественного перезахоронения Имре Надя и за четыре дня до собственной смерти он позволил себе дикие политические и идеологические выпады против казенного премьер-министра. Многословные рассуждения Долманьоша о прошлой России, записанные в тех же воспоминаниях, также остались на уровне того времени, когда он готовился к кандидатским экзаменам в Ленинском институте и к своим первым лекциям в университете. Заметим, что сам он уточнил свою идеологическую позицию, утверждая, что до конца был верен духу XX съезда КПСС⁷⁰. Однако это справедливо лишь по отношению к его деятельности в 1960-х гг., когда и он разоблачал преступления Сталина и сталинизма.

После разноса его книги «История СССР» в 1972 г. Долманьош уже больше не позволял себе впадать в подобные «крайности». Он и так оставался сторонником идей Хрущева на несколько лет дольше, чем следовало. Именно он, кто всегда строго следовал советским партийным постановлениям, не почувствовал вовремя, что с приходом Брежнева не только было снято с повестки дня построение коммунизма к 1980 г., но и улетучились те характерные для XX и XXII съездов настроения, которые привели к разоблачению культа личности и сталинских преступлений и в конечном итоге привели к выносу тела Сталина из Мавзолея.

Однако Иштван Долманьош сделал из произошедшего соответствующие выводы и позже никогда не впадал в подобные «ошибки». Его личная трагедия заключалась в том, что не только венгерская, но постепенно и советская историческая наука претерпевала изменения. Это наглядно продемонстрировал, например, изданный в Советском Союзе двухтомник «Краткая история СССР», который по взглядам его авторов на историю значительно отличался от всего того, что было написано до XX съезда. Долманьош готов был закрыть на это глаза и приписал советским авторам то, чего они не писали, но что казалось Долманьошу идеологически правильным. Однако в то время историческая наука в СССР была гомогенной только по своей фразеологии, уже существовали конкурентные концепции, а сторонники «твердой линии» сохраняли свои позиции только в области наиболее щекотливых тем новейшей истории. Именно им, а на самом деле самому себе 1950-х гг., пытался следовать Долманьош, не отдавая себе отчета в происходивших переменах. Тем самым он как бы запер себя на постоянный карантин и постепенно превратился в инородное тело в венгерской исторической науке. Он стал более советским историком, чем его советские коллеги.

Парадоксальным образом его действительное место в венгерской исторической науке определялось даже не работами по истории СССР. С начала 1970-х гг. они были пронизаны подобострастным повторением идеализаторских, некритических взглядов, характерных для героизирующе-пафосного подхода к истории, царившего в 1950-х гг. и уже преодоленного советскими историками.

Однако в отличие от работ по советской истории при изучении венгерской истории начала XX в. Долманьош проводил фундаментальные исследования, обоб-

---

⁷⁰ *Dolmányos I. Válaszúton.* P. 49.

щенные в крупных монографиях, до сих пор сохранивших свое значение с точки зрения собранного в них фактологического материала, но устаревших по своей концепции. Будучи человеком необыкновенной работоспособности, он с чрезвычайной скрупулезностью разработал темы своей кандидатской и докторской диссертации. С последней мы никогда не сможем ознакомиться полностью, так как диссертационный совет рассмотрел только два из девяти томов, представленных к защите. Крупный, в конечном итоге фактографичный труд получил общее признание, критика касалась лишь того, что в своих оценках Долманьош всегда исходил из считавшейся им в то время прогрессивной, то есть левой точки зрения, из характерной для ранних марксистов концепции классовой борьбы.

Долманьош оставил после себя сотни различных работ. Уже в 1974 г. в списке научных публикаций насчитывалось 130 названий, не говоря о множестве научно-популярных и газетных статей. Большинство из них ныне стали уже историографическим курьезом, зато, например, на его многократно упоминавшемся учебнике «История СССР» выросли целые поколения студентов. Так, живущий в Берлине венгерский писатель Дёрдь Далош рассказывал, что в 1960-х гг. венгерские студенты Московского университета им. Ломоносова вместо того, чтобы обратиться к советской специальной литературе, готовились к экзамену по истории по этому учебнику. В последние годы Долманьош занимался Средневековьем, в том числе перевел на венгерский язык Киево-Печерский патерик. Однако, уже даже будучи серьезно больным, он занимался медиевистикой с прежней воинственностью, не признавая противоположных мнений, придерживаясь устаревшего взгляда на историю, впадая в анахронизм, с уже тогда вызывавшим улыбку пристрастным отношением ко всему русскому.

Быть может, на него оказали столь магнетизирующее влияние советские руководители в аспирантуре? В своих воспоминаниях Долманьош, например, не упоминает о том, что советские войска принесли ему освобождение, следовательно, его сталинизм не может быть объяснен теми же причинами, что и сталинизм его современника и долгое время друга Петера Ханака. В то же время факт, что социализировался он как человек левых взглядов, что вышел из народной среды и до конца сохранил соответствующие пристрастия. При этом его нельзя было обвинить в склонности к национализму, он был интернационалистом, обладавшим советским сознанием превосходства.

Не прозрел он и позже, например, по карьерным соображениям храня верность идеалам молодости, которые история вырвала у него из-под ног, чего он упрямо не желал принять к сведению. Это был самостождественный, самоидентичный историк, собственными руками исковеркавший свою судьбу.

References

- Bereczki A. A finn és az észт történelem kutatása Magyarországon. *125 éves a finnugor tanszék*. Budapest, ELTE BTK Finnugor Tanszék, 1998, pp. 125–128.
- Dolmányos I. *A Szovjetunió története*. Budapest, Kossuth Kiadó Publ., 1971, 504 p.
- Dolmányos I. *Finnország története*. Budapest, Gondolat Publ., 1972, 437 p.
- Dolmányos I. *A Szovjetunió története. 1917–1966*. Budapest, Tankönyvkiadó Publ., 1976, 354 p.
- Dolmányos I. *Ragyogó Október. A Nagy Oroszországi Szocialista Forradalom története*. Budapest, Kossuth Könyvkiadó Publ., 1979, 688 p.

- Dolmányos I. Új összefoglaló mű a Szovjetunió történetéről. *Kritika*, 1980, no. 11, pp. 33–34.
- Gunst P. *A magyar történetírás története*. Debrecen, Csokonai Kiadó Publ., 1995, 283 p.
- Huszár T. *Kádár János politikai életrajza*. 2. köt. Budapest, Szabad Tér, Kossuth Kiadó Publ., 2003, 385 p.
- Krausz T. *Lenin. Társadalomelméleti rekonstrukció*. Budapest, Napvilág Kiadó Publ., 2008, 560 p.
- Kun M. Zalka Miklós: Vörösök és fehérek. *Kritika*, 1982, no. 9, pp. 31–33.
- Licskó G. Az egykori Lenin Intézet és filozófia szakos diákjai az 1956-os forradalom időszakában. *Múltunk*, 2010, no. 2, pp. 105–121.
- A Szovjetunió története. A legrégebb időktől a Nagy Októberi Szocialista Forradalomig*. Első rész, szerk. N. J. Noszov. Budapest, Kossuth Könyvkiadó Publ.; Moscow, Progress Publ., 1980, 404 p.
- Romsics I. *Clio bűvöletében. Magyar történetírás a 19–20. században — nemzetközi kitekintéssel*. Budapest, Osiris Kiadó Publ., 2011, 628 p.
- Szvák G., Kvász I. Galacsinok a zárban. Svák Gy., Kvász I. *Klió, a csalfa széptevő — Klió, a néptanító*. Budapest, Russica Pannonicana, 2013, pp. 204–206.
- Tóth A. A regőscserkészlet története. *Magyar cserkészélet (1910–1948)*. Budapest, Magyar Cserkészszövetség, 2020, pp. 99–121.

Статья поступила в редакцию 4 апреля 2024 г.

Рекомендована к печати 15 июля 2024 г.

Received: April 4, 2024

Accepted: July 15, 2024